

Ф. И. Булгаков

Последние дни Людовика XVI

Федор Булгаков

Последние дни Людовика XVI

«Public Domain»

1893

Булгаков Ф. И.

Последние дни Людовика XVI / Ф. И. Булгаков — «Public Domain», 1893

«Последние дни своей многострадальной жизни с 13 августа 1792 по 21 января 1793 гг. Людовик XVI с семьей провел в тюрьме Таниль, старинном (XIII века) здании ордена Тамплиеров, опустелом, почти нежилом и сумрачном. Каждый час здесь приносил ему какое-нибудь новое горе, какое-нибудь новое душевное терзание. Первым ударом для королевской семьи явился приказ лишить ее всех бывших при ней приближенных. В их числе находилась m-me де-Турзель, воспитательница дофина. Теперь её место заняла сама королева, Мария-Антуанетта...»

Ф. И. Булгаков

Последние дни Людовика XVI

С 13 августа 1792 г. по 21 января 1793 г.

Последние дни своей многострадальной жизни с 13 августа 1792 по 21 января 1793 гг. Людовик XVI с семьей провел в тюрьме Таниль, старинном (XIII века) здании ордена Тамплиеров, опустелом, почти нежилом и сумрачном. Каждый час здесь приносил ему какое-нибудь новое горе, какое-нибудь новое душевное терзание. Первым ударом для королевской семьи явился приказ лишить ее всех бывших при ней приближенных. В их числе находилась m-me де-Турзель, воспитательница дофина. Теперь её место заняла сама королева, Мария-Антуанетта. Она одевала своего сына и молилась вместе с ним. Король взялся обучать сына. Но вскоре ему пришлось убедиться, что он лишен не только своих королевских прав и личной свободы, но и отцовской власти. Властелины революции стали вмешиваться в самое воспитание дофина, предписывая королю, в каком духе он должен обучать своего сына. бесчисленные оскорбления, какие всей королевской семье наносились грубыми тюремщиками, Людовик XVI и Мария-Антуанетта сносили «ради бедных детей».

Настала зима. бесконечные ночи были невыносимы вследствие сырости и холода в Таниле. Король обратился с просьбой к Конвенту о доставлении теплой одежды для его семьи. Ее заставили ждать. Королева проводила ночи в шитье необходимого платья для дофина и дочери, одежду короля чинила сестра его, принцесса Елизавета, ибо Людовику XVI не позволяли иметь иного костюма, кроме того, который был на нем. Даже опускавшегося хлеба не хватало королевской семье, и Мария-Антуанетта через Клери, единственного из слуг короля, которому дозволялось навещать заключенных, послала жене пекаря свою мантилью с кружевами. Теперь у них хлеба было вдоволь. Но вскоре заключенных лишили возможности сноситься с внешним миром, разрезали кушанье на мельчайшие куски, чтобы как-нибудь в них не пронесли какой-нибудь записки. Только Клери время от времени доставлял вести о событиях в столице и во Франции. Эти вести имели очень мало утешительного.

Но еще горше стала жизнь несчастного узника, когда его разлучили с семьей. Король был заключен в большой каземат Таниля. Ему разрешалось только обедать вместе с семьей. Затем королевскую семью постигла новая жестокость. Дофина лишили материнского ухода и поместили его при отце. Тщетно мать умоляла позволить Людовику XVII остаться при ней хоть в те дни, когда король болел тифом. И вот чего опасались, то и случилось: дофина постигла та-же болезнь. Но и тут матери не позволили быть при больном ребенке. На свою беду несчастный дофин оправился.

11 декабря 1792 г. в час пополудни в Таниль явились мэр Шамбон, прокурор Шометт и другие чиновники Коммуны, а также Сантерр, главнокомандующий национальной гвардии, с своими адъютантами. Мэр объявил Людовику XVI о V-й статье декрета 6 декабря, в силу которой «Людовик-Капет» должен был предстать перед Конвентом для ответа на вопросы его президента. «Капет не мое имя», возразил король, «так звали одного из моих предков... Я последую за вами не из повиновения Конвенту, а потому, что власть в руках моих врагов». И он отправился в дождливую погоду через Вандомскую площадь в зал заседаний Конвента. Баррер на президентском кресле держал список 57 вопросов и сказал: «Людовик, вы можете сесть». Людовик XVI сел. Все предложенные ему вопросы в сущности сводились с следующим: «Людовик, ты, который был королем, признаешь ли себя виновным в том, что делом и словом ты пытался остаться королем?» Обвиняемый на большую часть обвинений отвечал «нет» или заявлял: «я этого не делал или поступал так по существовавшим тогда законам».

Вечером между 6 и 7 часами Людовик XVI вернулся в Таниль. Он попросил отвести себя в семье его. Но стража объявила, что не имеет права это сделать. Просьба короля, в которой присоединилась и Мария-Антуанетта, была доложена властелинам революции. Они только через четыре дня постановили решение: ни королева, ни принцесса Елизавета не могут видаться с Людовиком во все время его процесса; детям разрешается приходить к нему, но под условием, чтоб в таком случае они уже не виделись ни с матерью, ни с теткой. Несчастный отец, узнав о такой резолюции, сказав Клеру: «видите, какая жестокая альтернатива предлагается мне; я не могу решиться взять к себе моих детей, для дочери моей это было бы совершенно невозможно, а относительно сына я понимаю, какое горе я доставил бы этим его матери. И так я должен принести и эту жертву». Какая тонкость чувств: чтоб уберечь мать от печали, Людовик XVI готов один испытать всю чашу страдания!

Меж тем Конвент спорил и совещался. С утра до ночи с трибуны гремели речи об этом небывалом процессе. Временами весь зал заседания наполнялся криками гнева и ярости. Наконец, порешили: Людовик должен явиться и оправдываться 26 декабря. В эти тяжкие дни несчастному королю досталась единственная радость. Он узнал, что, кроме избранного им адвоката Тронше и юного Десеза, для защиты Людовика XVI предложил свои услуги его бывший министр, почтенный старец Ламуаньон де-Малерб. 14 декабря 1792 года он явился в королю. Людовик XVI заключил его в свои объятия. Оба плакали. «Ваша жертва», сказал король Малербу, «тем более великодушна, что вы подвергаете риску свою жизнь, но моей не спасете».

В своем роковом конце Людовик XVI был твердо убежден, о чем свидетельствует его завещание, составленное 25 декабря. «Ревомеждую моих детей», говорится в этом завещании, моей жене, в нежной материнской любви которой я не сомневался никогда; рекомендую ей воспитать их хорошими христианами и честными людьми, которые считали бы высокое положение в этом мире – если им суждено занимать его – опасным благом и обращали бы свой взор на единственно верную и прочную славу вечности... Моим детям рекомендую после того, чем они обязаны перед Богом, который должен быть для них на первом плане, всегда жить в согласии, повиноваться своей матери и считать их тетку второй матерью в благодарность за все труды и заботы, какие она имела ради них, и из любви во мне... Сыну моему, если он должен иметь несчастье быть королем, рекомендую помнить, что он вполне повинен в счастье своих сограждан, что он обязан забыть всякую ненависть и всякую злобу и именно все, что связано с страданиями и горем, какие я испытал; что он может сделать народ счастливым только тогда, когда управляет по законам, но в тоже время он должен помнить, что король может внушить уважение в себе и делать добро только тогда, когда он обладает необходимым авторитетом, и что в противном случае, связанный в своих действиях и не будучи в состоянии внушать уважение, он бывает более вреден, нежели полезен.

Общественное мнение, казалось, все еще было на стороне несчастного короля. Это обнаружилось особенно заметно на спектаклях «Théâtre français» и «Vaudeville». В первом давали пьесу «Друг закона». Все намеки в ней на процесс встречались одобрением и рукоплесканиями. В театре «Vaudeville» одно из действующих лиц в пьесе «Целомудренная Сусанна» сказало двум старцам: «как вы можете быть одновременно обвинителями и судьями?» И эта фраза, по требованию зрителей, была повторена много раз. Но всем, кто зорко следил за ходом вещей, скоро пришлось убедиться, что для короля более не было спасения. Гибель его приближалась неуклонно.

26 декабря Людовик XVI с своими защитниками вторично предстал пред Конвентом. Десез сказал свою мастерскую речь, после которой короля опять отвели в Таниль и с тех пор он уже не появлялся больше перед своими судьями. Он ни минуты не ошибался насчет предстоявшей ему судьбы. В день нового года (1793 г.), глубоко огорченный тем, что лишен возможности лично выразить свои пожелания дорогим ему существам, он сказал: «какой ужасный день!»

Один из надзиравших за ним чиновников этим был так тронут, что заметил Клери: «теперь, когда допрос окончился, можно без затруднения получить позволение видаться с семьей; надо только обратиться за этим к Конвенту». «Через несколько дней», – ответил король, когда Клери передал ему это замечание, – «в таком утешении мне не откажут, надо подождать». На сколько слаб и нерешителен был Людовик XVI во все время своего правления, настолько же героически переносил он свою печальную участь. В заточении он также сохранял свое спокойствие, как и перед кровожадными, грубыми и озверевшими врагами своими. Даже безбожные поборники произвола и самоуправства поражались его покорностью воле Божьей.

В Конвенте, однако, все еще слушались разные юридические разглагольствования, в списке стояло еще 50 ораторов. Прения по процессу Людовика XVI затянулись до 7 января. Судьи, очевидно, потеряли терпение, ибо вдруг прервали прения и назначили на 14 января постановку вопросов и голосование: «виновен ли Людовик Капет в заговоре против свободы нации и в нанесении вреда общему благу государства? Нуждается ли наш приговор, какой бы он ни был, в одобрении нации? Если Людовик виновен, то какому наказанию подлежит он?»

Что касается виновности, то на этот счет у «патриотов» не было никаких сомнений. Конвент высказался в таком смысле единогласно. Только 28 членов воздержались от подачи голоса. И второй вопрос не трудно было разрешить этим господам. Ведь апелляция к народу была бы равносильна воззванию к междоусобной войне. Большинством двух голосов решили не обращаться к нации. На другой день был поставлен вопрос о наказании. Все народные представители находились на своих местах. Их было 749. Только 20 отсутствовали по разным поручениям и 8 оказались больными. Весь день прошел в горячих спорах. Наконец, в 8 часов вечера началось третье голосование – поименное. Нерешительные и решительные сторонники, враги королевства, враги анархии – все должны были дать свой ответ. Очевидцы описывают это голосование, как одну из достопамятнейших сцен времен революции. Встает депутат за депутатом, жужжание стихает, пока он говорит или о смерти, о ссылке или заточении до заключения мира. Чаши весов колеблются, еще никто не может сказать, какая перетянет. Герцог Орлеанский, Филипп Egalité, близкий родственник короля, подает голос за смерть. Даже «патриоты» качают головами от удивления, и гул ужаса пробегает по зале. В ночь больной Дюшатель, закутанный в одеяло, в залу вносится в кресле. Он подает голос за помилование. Наконец, президент, сам глубоко растроганный, должен возвестить, что кара Людовику XVI – смерть! Трое защитников вносят апелляцию к народу, но их не слушают. Теперь спорят только о том, следует ли назначить отсрочку казни. Спорят об этом целый день и целую ночь. Наконец, в 4 часа утра объявляется: «безотлагательно, смерть в 24 часа! Министр юстиции Гара уполномочивается отправиться в Таниль, а секретарь совета прочтет королю следующие решения Конвента: 1) Национальное собрание объявляет Людовика Капета, последнего короля французов, виновным в заговоре против свободы нации и в нарушении общественной безопасности государства; 2) оно постановляет смертную казнь Людовику Капету; 3) оно отвергает апелляции поверенных Капета и воспрещает каждому из них давать им какой-либо ход». При чтении этих резолюций лицо короля несколько не изменилось. Только, когда произнесено было слово «заговор», невольной улыбкой подернулись его губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.